

ФИЛОСОФИЯ

УДК 340.128

С. И. Дудник

**«ДИКТАТУРА НАД ПРОЛЕТАРИАТОМ»:
КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОВЕТСКОГО ОПЫТА
В НАСЛЕДИИ Р. ЛЮКСЕМБУРГ***

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена анализу критических оценок первых шагов пролетарской революции и строительства социализма у Р. Люксембург. Автор реконструирует полемику о формах и способах реализации диктатуры пролетариата, опираясь на позиции Р. Люксембург, В. И. Ленина, Г. Лукача, Л. Д. Троцкого, И. В. Сталина. Своеобразие и ценность теоретического наследия Р. Люксембург автор связывает с ее последовательным демократизмом, с убеждением в том, что без демократических учреждений, без предоставления широким массам прав и свобод диктатура пролетариата развиваться не может. Потеря «здорового революционного инстинкта» чревата превращением диктатуры пролетариата в диктатуру узкого слоя партийной бюрократии. Тезис Р. Люксембург о ложности противопоставления понятий «диктатура» и «демократия» оказал значительное влияние на марксистов-либертарианцев и явился важной вехой для развития марксистской теории. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: марксизм, социализм, диктатура пролетариата, демократия.

Dudnik S. I. «Dictatorship over the proletariat»: critical appraisal of the Soviet experience in the R. Luxemburg's heritage // Vestnik St. Petersburg State University. Ser. 6. Philosophy, Culture Studies, Political Science, Law, International relations. 2014. Issue 1. P. 5–13.

The article analyses the critical evaluations of the first steps of the proletarian revolution and building of socialism in Russia, as presented in the works of R. Luxembourg. The author reconstructs the debate about the forms and methods of the dictatorship of the proletariat, based on the position of Rosa Luxemburg, V. I. Lenin, G. Lukacs, L. D. Trotsky, and J. V. Stalin. The originality and value of the theoretical legacy of Rosa Luxemburg's heritage is regarded in relation with her consistent democracy, with the conviction that without democratic institutions, without providing the masses with the rights and freedoms the dictatorship of the proletariat can't further develop. The loss of «healthy revolutionary instinct» is fraught with the transformation of the dictatorship of the proletariat into the dictatorship of a narrow layer of the party's bureaucracy. Rosa Luxemburg's thesis on the false opposition of the concepts of «dictatorship» and «democracy» had a significant impact on the libertarian Marxists and became an important milestone for the development of Marxist theory.

Keywords: marxism, socialism, proletariat dictatorship, democracy.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Историческая философия социальных преобразований в России»), проект N 14-03-00361.

© С. И. Дудник, 2014

Первая критическая реакция в среде марксистов Европы на теории несвоевременности русской революции связана с именем Розы Люксембург. Примечательно, что до революции 1917 г. ее позиция в этом вопросе в общих чертах совпадала с позицией социал-демократии. Эта позиция сводилась к следующему: социально-экономические предпосылки для построения социализма в России выражены слабее, чем в странах Запада, но поскольку внутренние противоречия русской истории выдвигают пролетариат в авангард революционного движения, перед ним открывается возможность борьбы за социализм. Но после событий 1917 г. Р. Люксембург выступает решительно против «доктринерской теории <...>, согласно которой Россия, как страна экономически отсталая, преимущественно аграрная, будто бы еще не созрела для социальной революции и для диктатуры пролетариата. Это теория, которая считает допустимой в России только буржуазную революцию — а из этого мнения вытекает также и тактика коалиции социалистов в России с буржуазными либералами, — это одновременно теория оппортунистического крыла в российском рабочем движении, так называемых меньшевиков под испытанным руководством Аксельрода и Дана» [1, с. 311].

В то же время к тем предпосылкам, которые подталкивали меньшевиков России к выводу о несвоевременности революции, Р. Люксембург добавляет еще ряд внешних условий, в которых диктатура пролетариата делала первые шаги: мировая война, реакционность и отсталость России в политическом отношении, а также бездействие международного пролетариата. Эти крайне неблагоприятные факторы и привели к тому, что в тактических вопросах большевики России были вынуждены далеко отойти от классических представлений о «нормальной» социалистической революции. И самое главное — если согласно классическим марксистским представлениям диктатура пролетариата является более высокой формой демократии, то именно от элементов демократии в условиях, когда сам пролетариат составляет меньшинство населения России, необходимо, по крайней мере на время, отказаться. С этой точки зрения роспуск большевиками институтов буржуазного парламентаризма, ограничение некоторых прав и свобод был, по убеждению Р. Люксембург, необходимым. В то же время такое отступление на практике не означало, что от демократии необходимо отказаться и в теории. «Разумеется, каждое демократическое учреждение имеет свои рамки и недостатки, как, впрочем, и все другие человеческие институты. Но только найденное Троцким и Лениным целебное средство — устранение демократии вообще — еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений, — активную, беспрепятственную, энергичную политическую жизнь широчайших народных масс» [1, с. 311]. Без демократических учреждений, без предоставления широким массам прав и свобод диктатура пролетариата развиваться не может. Временные ограничения возможны и необходимы, но именно как временные, вызванные гражданской войной, разрухой и иными крайне неблагоприятными условиями. Но сами эти ограничения нельзя выдавать за абсолютную истину, обязательную для всех остальных.

Главное условие, снимающее все эти ограничения, — пролетарские революции в других странах, в случае победы которых России будет обеспечена поддержка в борьбе с внешними врагами. Р. Люксембург, как, между прочим, и многие марксисты того времени, была уверена в неизбежности такого развития событий. Поэтому у нее так и не возник вопрос: возможна ли пролетарская революция, которая по той или иной причине отбросит принципы демократии? Но ответ на этот так и не поставленный

вопрос у нее имелся: «Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неумной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути — это хозяйничанье клики; правда, это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, т. е. диктатура в чисто буржуазном смысле, в смысле господства якобинцев (перенос сроков созыва съездов Советов: с раз в три месяца до раз в шесть месяцев). Более того: такие условия должны привести к одичанию общественной жизни — покушениям, расстрелам заложников и т. д. Это могущественный объективный закон, действия которого не может избежать никакая партия» [1, с. 311].

Антиякобинское противоядие у Р. Люксембург было, по сути дела, тем же, что и у критикуемых ею меньшевиков и социал-демократов. Пролетариат, придя к власти, не упраздняет демократию как таковую, а создает вместо буржуазной демократии социалистическую демократию. И создание социалистической демократии — это не единовременный акт, выраженный в декрете, а длительный процесс, требующий кропотливой и тяжелой работы. Эта работа направлена на пробуждение политической энергии масс, на развитие навыков самоорганизации, на вовлечение все большего и большего числа людей в различные формы политической деятельности. Диктатура пролетариата должна быть делом не одной лишь партии, и даже не одного лишь передового отряда пролетариата, но делом всего класса. Поэтому обязательным признаком диктатуры пролетариата является общественный контроль над политическими институтами.

Проблема заключалась не только в том, чтобы указать общее направление развития социалистической демократии, но и в том, чтобы найти конкретные формы общественного контроля, а также, в случае сопротивления бюрократии этому контролю, найти способы преодолеть такое сопротивление. Все эти вопросы, а также их практическая реализация в ходе русской революции, остались вне поля зрения Р. Люксембург, убитой в январе 1919 г. и не имевшей возможности наблюдать за продолжением революционных преобразований в России. Л. Д. Троцкий, поначалу отвергавший критические доводы Р. Люксембург и даже являвшийся в ее глазах ответственным за явные деформации социалистической демократии, несколько позже присоединяется к критике диктатуры пролетариата с позиций автора «Рукописи о русской революции». Лейтмотив всех его критических выпадов против сталинизма — превращение диктатуры пролетариата в диктатуру узкого слоя партийной бюрократии. Но вопросы, оставшиеся без ответа у самой Р. Люксембург, теперь встают и перед ним — каковы должны быть формы общественного контроля над политическими институтами, которым грозит опасность бюрократизации, и какими должны быть механизмы преодоления ее сопротивления попыткам такой контроль установить? К идеям самого Троцкого мы вернемся несколько позже, что же касается самой истории, то она, как известно, оставила эти вопросы без ответа.

Р. Люксембург понимала, что развитие социалистической демократии в условиях России начала XX в. — задача невероятно сложная, и у нее не было полной уверенности, имелась ли вообще в распоряжении Ленина и Троцкого возможность эту задачу

решить. «Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного. В этот последний период, когда мы находимся накануне решающих последних боев во всем мире, важнейшая проблема социализма, самый жгучий вопрос времени — не та или иная деталь тактики, а способность пролетариата к действию, революционная активность масс, вообще воля к установлению власти социализма. В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были первыми, кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще *единственные*, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттенем: “Я отважился!” Вот что самое существенное и *непреходящее* в политике большевиков. В этом смысле им принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И в этом смысле будущее повсюду принадлежит “большевизму”» [1, с. 311]. Иными словами, даже если опыт строительства социализма в России будет неудачным, его безусловно положительное значение будет заключаться в том, что это *первый* опыт. Тот факт, что успешное решение вставших перед русской революцией задач Р. Люксембург связывала с кардинальным изменением международной ситуации и с победой социалистической революции в развитых странах Европы, говорит о том, что она испытывала в отношении перспектив революции в России немалый пессимизм.

С возражениями выступил Г. Лукач, обвинивший Р. Люксембург в ложной оценке характера пролетарской революции в России. Точнее говоря, эта оценка, согласно Лукачу, является искаженной, поскольку Р. Люксембург преувеличивает силу и сознательность русского пролетариата и в то же время недооценивает силу непролетарских элементов и их негативное влияние на формирование пролетарского сознания. «И это ложное суждение относительно подлинных движущих сил революции подводит к решающему пункту ее ложной установки: к недооценке роли партии в революции, к недооценке значения сознательной политической деятельности в сравнении с элементарным движением, следующим необходимости экономического развития» [2, с. 348–349].

Следует заметить, что в критической позиции Лукача есть явное противоречие. Аргументы теоретического характера он опровергает ссылками на особенности текущего момента, в который, в силу обстоятельств, необходимо сделать временное тактическое отступление от принципов. А затем саму необходимость такого тактического отступления он преподносит как теоретический принцип, который, по его мнению, остается непонятым у Р. Люксембург. Таким образом, у Лукача получается, что критика русской революции у Р. Люксембург в принципе верна, но следовать ее критическим доводам пока не стоит, лучше отложить социалистическую демократию в России до лучших времен. «В тот момент нечего было и думать о постепенном “переводе” этого движения “в русло социализма”. Это можно и нужно было попытаться сделать позже. Здесь неуместно обсуждать, в какой мере эти попытки действительно потерпели неудачу (на мой взгляд, дело еще далеко нельзя считать разрешенным; бывают “неудавшиеся” попытки, которые, тем не менее, впоследствии оказываются плодотворными) и каковы были причины их неудач. Ибо здесь рассматривается решение большевиков, принятое в момент завоевания власти» [2, с. 348]. В стране, где пролетариат составляет

меньшинство и испытывает разлагающее влияние непролетарских идеологий, необходимо завоевать власть, а затем эту власть удержать. Поэтому вопрос о вовлечении все более и более широких пролетарских масс в революционную деятельность может быть отложен до лучших времен, как и вопрос о механизмах контроля за теми, кто удерживает власть. Эти вопросы не актуальны, следовательно, актуален вопрос о механизмах удержания и укрепления власти. Кардинальное изменение ситуации Лукач опять-таки видит в мировой пролетарской революции: «В интересах дальнейшего развития революции необходимо *всеми средствами и при всех обстоятельствах удерживать господствующую власть в руках пролетариата*, ясно понимая, что совокупное положение мирового хозяйства рано или поздно должно подтолкнуть пролетариат к революции в мировом масштабе, которая только и сможет действительно осуществить экономические мероприятия в духе социализма» [2, с. 363].

К этому тезису у Лукача добавляются рассуждения на тему «свобода для пролетариата или пролетариат для свободы», «демократия для пролетариата, или пролетариат для демократии». «Формы и степень “свободы” зависят в период диктатуры от состояния классовой борьбы, от силы врага, от интенсивности угрозы диктатуре, от требований завоевываемых на сторону диктатуры, от зрелости союзнических с пролетариатом и находящихся под его влиянием слоев. Свобода столь же мало, как и социализация, может быть самоценной. *Она должна служить господству пролетариата, а не наоборот*» [2, с. 363]. Такого рода доводы заставляют заподозрить их автора в известной доле лукавства. Если под демократией понимать формальные процедуры и механизмы осуществления народовластия, то, разумеется, для расширения самой демократии (поскольку социалистическая демократия есть ее высшая форма) необходимо господство пролетариата. В то же время непонятно, в силу чего становится возможной альтернатива «пролетариат для демократии или демократия для пролетариата». К тому же свобода, освобождение всего человечества, а не господство пролетариата является целью и смыслом истории, и если речь опять-таки идет о текущем моменте и о тактическом отступлении от принципов, то формула «свобода для пролетариата» должна по меньшей мере настораживать. Впрочем, и здесь поставленные Р. Люксембург вопросы сохраняют свою силу. Освобождение пролетариата не может оставаться декларацией, и поэтому необходимы механизмы ее обеспечения, а эти механизмы даже в самом благоприятном случае не могут совпадать с механизмами удержания власти правящей бюрократией.

Досадно, что в целом критика Лукача не выходит из русла более поздней оценки Сталина. Последний обвинил Р. Люксембург в том, что она, вместе с Парвусом, сочинила «утопическую и полуменьшевицкую схему перманентной революции (уродливое изображение Марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевицким отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и противопоставила ее большевицкой схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В дальнейшем эта полуменьшевицкая схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма» [3, с. 91]. Эта оценка совершенно несправедлива и невежественна, так как даже сам Сталин в статье «Октябрьская революция», полемизируя с К. Радеком, утверждал: «Неверно, что теорию перманентной революции <... > выдвинули в 1905 г. Роза Люксембург и Троцкий. На самом деле теория эта была выдвинута Парвусом и Троцким» [4, с. 380]. Отвечая своему корреспонденту, указавшему на это противоречие, Сталин

подчеркивает, что здесь речь идет о двух разных сторонах вопроса, и есть принципиальное различие между «сочинили» и «выдвинули», но в чем именно это различие заключается, он не дает себе труда уточнить. Вина же Р. Люксембург в создании теории перманентной революции теперь состоит в том, что «она находилась тогда за кулисами, воздерживалась от активной борьбы с Лениным на этой почве, предпочитая, видимо, не ввязываться пока что в борьбу» [5, с. 126–132]. Беспомощность отговорок Сталина еще раз свидетельствует о том, что критические доводы Р. Люксембург в отношении опыта первых лет социалистического строительства вызывали у партийной бюрократии определенную растерянность. Это объясняет как попытки Сталина выставить Р. Люксембург соучастницей Л. Троцкого и тем самым опорочить ее критику, так и неуклюжую теоретическую помощь Г. Лукача, предвидевшего, что революционный авторитет Р. Люксембург при любом развитии событий будет довольно высоким, а ее критика отклонения большевиков от социалистической демократии будет вызывать у них серьезные затруднения. Такого рода опасения были обоснованы, так как Р. Люксембург была не только политиком, с авторитетом которого нельзя было не считаться, не только основателем и лидером коммунистической партии Германии, но и одним из наиболее глубоких марксистских теоретиков. И ее заслуги в развитии марксистской теории были связаны с критикой идеологии немецкой социал-демократии во главе с Э. Бернштейном и К. Каутским, нашедшей свое закономерное отражение в идейных построениях Плеханова и его единомышленников. Объектом критики выступало свойственное этому течению эволюционное понимание истории и вытекающие из него представления о постепенном перерастании буржуазного общества в социализм и преждевременности революции в России. Сама русская революция есть «пощечина здешней социал-демократии и всему спящему Интернационалу. Каутский, разумеется, не нашел ничего лучшего, чем доказывать статистически, что социальные условия России еще не созрели для диктатуры пролетариата! Достойный “теоретик” Независимой социал-демократической партии! Он позабыл, что “статистически” Франция в 1789 г., а также и в 1793 г. была еще менее созревшей для господства буржуазии» [6, с. 230]. Представления о преждевременности русской революции свидетельствуют о «кабинетном» характере подобных теорий, о нежелании признать тот факт, что любое необходимое движение истории совершается через борьбу масс.

Теории преждевременности русской революции основаны на неверном понимании событий всемирной истории начала XX в. «Мировая война поставила общество перед альтернативой: либо дальнейшее существование капитализма, новые войны и скорая гибель в хаосе и анархии, либо ликвидация капиталистической эксплуатации. <...> Из всей кровавой сумятицы и зияющей пропасти нет иного выхода, иного спасения, кроме социализма. Только мировая революция пролетариата может внести порядок в этот хаос, может дать всем работу и хлеб, положить конец нынешнему взаимному истреблению народов, может принести измученному человечеству мир, свободу, подлинную культуру» [7, с. 242]. Таким образом, мировая война в случае сохранения капитализма прямо ведет к уничтожению человечества, и социалистическая революция выступает как единственный путь его спасения. Но эта принципиально новая историческая ситуация делает невозможной прежнюю форму революций, предполагавшую свержение центральной власти и распространение революционных преобразований от центра к периферии, «сверху вниз». Новая революция не может не быть «революцией снизу», что означает не только широкое участие в революционных событиях народных масс, но

и неизбежность последовательно демократического характера революционных преобразований.

Поэтому само противопоставление понятий «диктатура» и «демократия», по убеждению Р. Люксембург, в корне ошибочно. «Диктатура или демократия» — такова постановка вопроса как большевиками, так и Каутским. Последний решает для себя, естественно, в пользу демократии, а именно буржуазной демократии, ибо именно ее он противопоставляет как альтернативу социалистическому перевороту. Ленин — Троцкий, напротив, решают в пользу диктатуры в противовес демократии и тем самым диктатуры горстки людей, т. е. буржуазной диктатуры. Таковы два противоположных полюса, оба равноудаленные от истинной социалистической политики» [8, с. 277]. Все дело в реальном социальном наполнении идеи диктатуры. Если это диктатура большинства над меньшинством, то ее демократический характер может вызывать сомнения только у представителей данного меньшинства. Но если это диктатура узкой группы лиц, какого-либо клана, то она не может быть диктатурой пролетариата. В силу своей природы диктатура пролетариата не может противопоставляться демократии, поскольку такая диктатура должна являться политической формой революционной активности народных масс, формой их участия в управлении государством и обществом. Социалистические преобразования предполагают диктатуру класса, а не какой-либо группы лиц, какой-либо партии. Диктатура пролетариата может осуществляться только «при самой широкой гласности, при самом деятельном беспрепятственном участии народных масс, при неограниченной демократии» [1, с. 315]. Исходя из этих принципов, Р. Люксембург критиковала декрет правительства Ленина и Троцкого о выборах, который лишал различные категории трудового населения России избирательного права. Диктатура пролетариата осуществляет управление обществом не только в интересах трудящихся, но и посредством их активного участия в управлении, что предполагает не только право избирать органы власти, но и право их контролировать. В более отдаленной перспективе управление посредством избираемых и контролируемых органов власти должно перейти к формам общественного самоуправления.

Такое понимание социалистической демократии предполагает и определенное понимание свободы: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма “справедливости”, а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если “свобода” становится привилегией...» [1, с. 315]. Социализм неразрывно связан с осуществлением свободы слова, свободы политической деятельности, свободы создавать независимые политические организации и т. д. Причем в отличие от буржуазного общества, где эти свободы либо только декларируются, либо предоставляются узкому кругу лиц, в обществе социализма эти свободы наполняются реальным содержанием. Такое понимание точно соответствует пониманию природы социализма у Маркса как того рубежа, где завершается стихийная предыстория человечества и начинается его подлинная история, предполагающая переход из «царства необходимости» в «царство свободы». Учение об органическом единстве диктатуры пролетариата и демократии, о социализме как строе, при котором человек обретает свою человечность, предопределили то обстоятельство, что в более поздних теориях «социализма с человеческим лицом» ссылки на работы Р. Люксембург

становятся обязательными. Например, название известной группы марксистов-либертарианцев «Социализм или варварство» (К. Кастириадис, Ги Дебор, К. Лефор, Ж. Жетт и др.) было связано именно с учением Р. Люксембург о том, что в период первой мировой войны человечество оказалось перед дилеммой: «либо гибель в анархии, либо спасение благодаря социализму» [8, с. 263].

Социалистическая демократия, как ее понимает Р. Люксембург, начинается с производственной демократии, и в этом отношении ее концепция диктатуры пролетариата также противостоит концепциям экономического дирижизма, взятым на вооружение большевиками с первых шагов социалистических преобразований. Этот дирижизм Ленин и его единомышленники оправдывали не только необходимостью централизованного руководства крупной машинной индустрией, но и историческими особенностями России, в частности слабо развитой мотивацией производительного труда («русский человек — плохой работник»). Признавая временную необходимость централизованного руководства промышленностью в России, Р. Люксембург тем не менее убеждена, что «опасность начинается тогда, когда они нужду выдают за добродетель, хотя теперь по всем пунктам теоретически зафиксировать навязанную им этими фатальными условиями тактику и рекомендовать ее международному [пролетариату] как образец социалистической тактики» [1, с. 332]. Социализм несовместим с диктатурой фабричных надсмотрщиков, с излишне жестокой производственной дисциплиной, с драконовскими наказаниями и террором. Известно, что Ленин был склонен видеть в формах государственного капитализма довоенной Германии немало положительного: «Пока в Германии революция еще медлит “разродиться”, наша задача — учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [9, с. 301]. Эту склонность Р. Люксембург считает ошибкой, сближающей главу большевиков с германской социал-демократией, полагавшей, что прусский милитаризм установит в случае победы в войне в России порядок, весьма близкий идеалам социализма. Политику «красного террора» она называет «идиотизмом высшей степени».

Попытки установить производственную дисциплину жестокими террористическими методами Р. Люксембург объясняет тем, что лидеры большевиков не понимают природы социалистической демократии. Сам термин «дисциплина» у Ленина приобретает весьма двусмысленное значение. «Одновременно обозначать словом “дисциплина” два столь противоположных понятия, как отсутствие воли и мысли в тысяченом и тысячеруком теле, по указке делающем механические движения, и добровольное координирование сознательных политических действий <... > значит просто злоупотреблять ходячим словечком» [10, с. 143]. Первое значение слова «дисциплина» должно быть полностью искоренено в обществе социализма, дисциплина должна быть свободной самодисциплиной, добровольной самоорганизацией коллективных действий.

Кроме того, у Ленина и Люксембург были совершенно разные представления и о природе стихийности. Если для Ленина стихийность — это начальная стадия сознательности, недоразвитая сознательность, то для Р. Люксембург — это в первую очередь неосознаваемая сила масс, объективно им свойственная. Эта сила имеет два вектора приложения: во-первых, это та механическая покорность, которая как раз и характеризуется «отсутствием воли и мысли в тысяченом и тысячеруком теле»; во-вторых, это объективно свойственная массам воля к борьбе, стихия, несущая в себе колоссальную

революционную энергию. Очевидно, что в работах Ленина, особенно в послереволюционных, речь идет главным образом о стихийности в первом значении. Складывается впечатление, что стихия революционной энергии масс была необходима большевикам только до момента завоевания власти. Когда власть была завоевана, на повестке дня оказалась иная задача — удержать эту стихию в повиновении. Характеризуя эту стихию, Р. Люксембург говорит о свойственном ей «здоровом революционном инстинкте», на который необходимо опираться и после завоевания власти, в самых первых и во всех последующих революционных преобразованиях. Управление промышленностью, как его представляла Р. Люксембург, не имеет ничего общего с дирижизмом. Первые требования программы «Союза Спартака» — введение шестичасового рабочего дня и выборы производственных советов, которые должны взять производственный процесс под свой контроль. Р. Люксембург была убеждена, что социализм только тогда будет прочно держаться на своем собственном фундаменте, когда организация производства будет вверена самим рабочим.

Литература

1. Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Люксембург Р. О социализме и русской революции. М.: Политиздат, 1991. 398 с.
2. Лукач Г. Критические заметки к брошюре Розы Люксембург «Русская революция» // Лукач Г. История и классовое сознание. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 346–364.
3. Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 84–102.
4. Сталин И. В. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов: Предисловие к книге «На путях к октябрю» // Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 358–401.
5. Сталин И. В. Ответ Олехновичу и Аристову: По поводу письма в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 126–132.
6. Люксембург Р. Из письма Марте Розенбаум. Бреслау, позднее 12 ноября 1917 г. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели.) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 230.
7. Люксембург Р. Чего хочет Союз Спартака // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели.) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 230.
8. Люксембург Р. Наша Программа и политическая ситуация. Доклад на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г. в Берлине // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели.) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 230.
9. Ленин В. И. О левом ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 285–314.
10. Люксембург Р. Организационные вопросы русской социал-демократии // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2013 г.

Контактная информация

Дудник Сергей Иванович — доктор философских наук, профессор; e-mail: s.i.dudnikl@mail.ru

Dudnik S. I. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: s.i.dudnikl@mail.ru